

DOI 10.22455/2619-0311-2018-1-283-289

УДК 821.161.1

Зерно и слово **Grain and Word**

Marton Hoványi. Prophetic Counterparts in *The Brothers Karamazov*.
A Comparative Literature Monograph. Blessed Hope Publishing.
Saarbrücken:Verlag, 2015. 86 p.

В монографии молодого венгерского исследователя Мартона Ховани (название ее не очень складно можно перевести как «Пророческие пары в романе “Братья Карамазовы”») рассматриваются важные аспекты поэтики Достоевского, проявившиеся в «Братьях Карамазовых», а именно трактовка и осмысление писателем библейской пророческой традиции.

Большой интерес представляет обширное предисловие к книге, написанное замечательным венгерским литературоведом Арпадом Ковачем. Он сразу обозначает ключевую проблему: какая связь существует между сакральным и эмпирическим в отношении к предвидимому будущему, если рассматривать это на лингвистическом и литературном уровнях? Что могут понять в собственной судьбе персонажи и читатель при обращении *писателя* в своих произведениях к судьбам и речам библейских пророков? Отталкиваясь от уже устоявшегося понимания *идеи* у Достоевского как определяющей все существо и поведение человека (идея здесь «не концепция, а событие»), он далее обращает внимание на то, что в Новом Завете каждый обладает как бы двойной субъектностью: «ветхий человек» и «новый человек» (р.11). И «первый», и второй» знают истину, но первый не способен действовать в соответствии с ней, тогда как «второй» воплощает истину всем своим существом. Переход от «первого» ко «второму» происходит через обновление ума, что у Достоевского обозначается словом «прозрение». Обновленным умом человек способен понять не букву закона, но дух его, о чем и говорит Христос. В Ветхом Завете это обновление достигается различными способами, в Новом Завете преимущественно

через «нарратацию» – через метафоры, притчи, иносказания в речах Христа. Христос есть воплощенное Слово и в Его притчах воплощается смысл Его дел. Но для того, чтобы это произошло, сам язык и повествовательные средства должны обновиться.

Это мы видим у Достоевского: в его произведениях существует эмпирическая реальность и та, которая призвана настать, которая достигается в целенаправленном движении человека ей навстречу. При этом и эмпирическая реальность не есть некий покров над тайной, а необходимое звено в цепи событий, приближающих обновленную реальность, ту, что должна наступить в будущем. Таким образом, становится ясно, что чаемое освященное будущее человека и мира не есть нечто внеположное, но присутствует уже сейчас в повседневной реальности¹. Тех писателей, в творчестве которых достигается именно такое изображение действительности, Достоевский называл пророками (Гомер, Сервантес, Шекспир, Гюго, Пушкин), таким пророком был и он сам. Умение *так* видеть мир – общее у этих писателей и у библейских пророков и кроется в способности к экстатическому прозрению.

То же относится к персонажам Достоевского, умеющим через слово передать происходящее в их душах (и изменяющее все их существование) преображение. А. Ковач называет здесь Алешу Карамазова, «смешного человека», но и Ивана с его поэмой, – ибо эта поэма, названная Алешей «хвалой Иисусу», есть по существу пророчество о Его Втором Пришествии (здесь можно бы с уважаемым исследователем не согласиться: это Второе Пришествие в понимании Ивана и иже с ним). Но первоначальным во всех случаях является *видение*, а затем уже умение передать увиденное через словесный образ, словесную икону, сделать увиденное слышимым и читаемым, причем так, чтобы это было не просто «сакральным месседжем», но имело бы и литературное качество (р.17). Так обстоит дело со всеми персонажами-визионерами у Достоевского. Но так обстоит дело и с самим Достоевским, добавим.

¹ См. об этом в отечественном литературоведении: Касаткина Т.А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.:ИМЛИ РАН, 2015; Захаров В.Н. Христианский реализм в русской литературе // Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Петрозаводск: ПетрГУ, 2013; Степанян К.А. Явление и диалог в романах Ф.М. Достоевского. СПб.: Крига, 2009. См. также работы этих и других российских авторов на ту же тему, опубликованные в течение последних двух десятков лет; ни одна из них в библиографическом списке М. Ховани не присутствует. Печально, конечно, что наши зарубежные коллеги очень мало знают наши исследования, а мы плохо знакомы с их трудами. «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» одной из целей своих как раз и ставит налаживание взаимопользных знакомств достоевистов разных стран с работами друг друга.

А. Ковач приводит здесь как пример происшедшее с пророком Исаией: когда он не смог передать людям свое видение Господа «нечистыми устами» и тогда серафим горящим углем очистил его уста. То же преображение – тем или иным образом – происходило со всеми библейскими пророками. После чего они уже могли передать увиденную истину людям. Так проясняется понимание сакральной истины и читателем Библии, вообще понимание Бога человеком.

Но у Достоевского каждый персонаж действует, пробивается к истине и пророчествует, в меру своих сил, не в среде единомышленников, а в одиночку, внутри индивидуальной судьбы. Зосима и Алеша суть воплощение евангельской притчи о сеятеле: посеянное Зосимой приносит «стократный урожай» в сердце его ученика Алеши. При этом Алеша не просто посредник между сказанным Зосимой и читателем: в своей личной судьбе он воплощает пророчества Зосимы.

В итоге такое писательское мировидение, явленное в «Братьях Карамазовых», помогает читателю лучше постичь библейские сказания, увидеть сакральное в своей собственной судьбе, в текущей действительности.

Сам Мартон Ховани начинает с главного тезиса своей работы: разительного сходства, на его взгляд, между библейским пророком Илией и старцем Зосимой, между «Братьями Карамазовыми» и библейскими пророчествами вообще, при этом стремясь особо выявить то новое, что внес Достоевский в библейскую пророческую традицию, и то, как это способствует пониманию романа. Говоря о множественных связях романа с библейскими и мифологическими текстами, он обещает не забывать об известной субъективности любых интертекстуальных ссылок и параллелей.

Удастся ли это автору?

Пророк, подчеркивает М. Ховани, призван не только передавать людям послание Господа, но также собственной жизнью демонстрировать волю Господа о Его созданиях. Пророк сообщает людям об увиденном или пережитом им, толкует события прошлого, настоящего и будущего, с целью наставить людей на путь истинный. Миссию поэта как пророка Достоевский воспринял от Пушкина, чье стихотворение «Пророк» он очень любил и публично читал множество раз, в том числе на Пушкинских торжествах в 1880 г. а в своей речи на этих торжествах назвал Пушкина пророческим явлением русского духа. Там же творчество Пушкина сопоставляется с национальными и всечеловеческими идеалами, из чего, считает М. Ховани, можно заключить, что в своем идеальном состоянии каждый человек может быть пророком.

Связь между романом «Братья Карамазовы», Православной Россией и библейскими преданиями прослеживается, считает исследователь, главным образом в религиозно-исторической традиции пророчества, начиная от Моисея и до прп. Амвросия Оптинского. Но первым среди тех, кого библейское предание канонизирует именно в качестве пророка, – был Илия. Учеником его, наследовавшим его пророческую миссию, был Елисей. Традиции от Илии и Елисея, через первых великих христианских отшельников, прп. Антония Великого и прп. Павла Фивейского, через афонских старцев переходят к старцам на Руси. С одним из представителей этой традиции, прп. Амвросием Оптинским, Достоевский, как известно, трижды встречался во время своей поездки в Оптину Пустынь в 1878 г. Культ пророка Илии прочно сохраняется в православной традиции, день памяти его (2 августа по новому стилю) широко отмечается, и в день этот празднуется вознесение Илии на огненной колеснице на Небо, к Господу. При этом М. Ховани отмечает, что в кондаке пророка Илии он назван «провидцем великих дел Господа нашего», то есть речь идет опять-таки о видении. Но другое утверждение исследователя: что в день памяти пророка Илии отмечается и память его ученика Елисея, не очень точен – у Елисея есть свой день памяти, 14/27 июня; вывод, видимо, сделан на основе того, что тропарь у этих двух пророков действительно общий. В нем поминаются они оба.

Мысль о том, что притча о зерне, взятая в качестве эпиграфа к роману, является доминантным мотивом в романе «Братья Карамазовы», М. Ховани почему-то считает нуждающейся в доказательствах, что и стремится сделать. Но – и это замечание его стоит отметить – сопоставляет он эту притчу с притчей о сеятеле, где Господь напрямую соединяет *зерно* и *слово* и где венгерский исследователь предлагает обратить внимание на модальность: нечто, что *может* принести богатый урожай – в зависимости от обстоятельств (я бы сказал: в зависимости от воли слушающего). Любопытна здесь и мысль о том, что каждый из четырех братьев Карамазовых падает на землю, в почву, как зерно, – но каждый по-разному. Но когда М. Ховани начинает искать семантическую связь между словами «пророк» и «пророкосток» (на основании фонетического сходства) и добавляет сюда еще притчу о луковке (у луковицы бывает проросшая зеленая «стрелка») – кажется, что автор слишком увлекся сопоставлением всего со всем.

Мирское имя старца Зосимы – Зиновий (живой, живущий по-греч.). И хотя он умирает первым среди всех основных персонажей романа (как брошенное в почву зерно), он является символом жизни в романе; в самом начале его жизненного пути его старший брат Маркел наказывает ему: «Живи за меня!». И далее Зосима продолжает оберегать жизнь – на-

чиная от отказа от дуэли (сохраняя тем жизнь и себе, и своему противнику) и до его предсмертного призыва: «Любите всё создание Божие, и целое и каждую песчинку». Свойства пророка, которыми оказался наделен перед смертью Маркел, переходят к Зосиме, а от него – к Алеше, считает автор рецензируемого исследования (так же и Илия передает Елисею свой пророческий дар перед концом своей земной жизни). И упомянутые слова Маркела обозначают одну из главных тем романа: принятие ответственности за ближнего, неразрывную связь всех людей, что и выражается далее в прозрении Алеши в главе «Кана Галилейская»: «за меня и другие просят» – принцип *духовного братства*.

Но когда М. Ховани в параллель к Зиновию привлекает еще и Зевса, на основании того, что имя Зевс означает «сияющее (светлое) небо», а это находится в прямой связи с Солнцем (Христом); согласно древнегреческим верованиям, через Зевса мы получили жизнь, он творец света, Зевс сходен с пророком Илией как могущий насылать громы, дожди и огонь; затем возникает отсылка еще и к Гелиосу: Зосима, считает М. Ховани, объединяет в себе этих двух древнегреческих богов – вернее, они объединяются в начале в пророке Илие, а через него уже в Зосиме (ибо главным претекстом в романе «Братья Карамазовы» является именно Библия) – все это кажется уже слишком избыточным и искусственным, добавленным для пущей красоты, да простится мне такое замечание, да и смешивать подобным образом христианство с язычеством не представляется верным даже с научной точки зрения.

Равно натянутым представляется сопоставление коляски, в которой после пережитого им потрясения едет на дуэль (где он откажется стрелять) Зосима, с колесницей, в которой вознесся на небо Илия.

Зосима воспринял семя Божьего слова в детстве. И затем он сначала воплощает истину, почерпнутую от брата Маркела и из Библии, в своих делах и поступках, и только потом передает это в словах и поучениях. То же происходит в его отношениях с Митей и Алешей – сначала действия, потом их объяснение и толкование. Так поступали и пророки, так поступал и Христос (в сцене омовения ног, например). Причем часто Зосима осуществляет это не своими словами, а словом Божьим – как в случае со своим «таинственным посетителем» Михаилом, который тоже под влиянием Зосимы исповедует свой грех *в день своего рождения* и переходит из этой жизни в иную. Исследователь сопоставляет прорицание Зосимы старухе Прохоровне о ее сыне с библейским сюжетом о вдове из Сарепты Сидонской, ее сыне и пророке Илие: Зосима, как и Илия, возвращает сыновей обеих женщин к жизни. Пророческие качества Зосимы проявляются прак-

тически во всех эпизодах, связанных с ним, причем чем значимее событие, тем ярче эти пророческие качества проявляются. Пророчества Зосимы и его святое присутствие (прямо или через его ученика Алешу) затрагивают почти всех персонажей романа и в то же время он не является просто копией библейских пророков, он – создание Достоевского, его интерпретация библейской традиции. Зосима – не борец с Ваалом, роль борца здесь отведена маленькому Илюше. Зосиме противостоит ложный – почти языческий (выметает злых духов метлой) – пророк Ферапонт. Правда, земные судьбы Зосимы и пророка Илии не совпадают, но совпадают они в конечном событии этих судеб: оба встречаются с Солнцем Христом, а их ученики Елисей и Алеша являются свидетелями этого.

Сопоставляет М. Ховани и ряд схожих эпизодов из жизни пророка Илии и его ученика Елисея и старца Зосимы и Алеши. Иногда он при этом убедителен и интересен (когда, например, сопоставляет брошенные на поругание на три с половиной дня тела пророков Илии и Еноха, убитых «зверем, выходящем из бездны», а затем воскресших и вознесенных на Небо, – Достоевский часто вспоминает это место из Апокалипсиса – и происходившее с телом отца Зосимы после смерти), иногда – не очень (как, к примеру, в случае, когда он сравнивает земные поклоны Илии на горе Кармил перед ниспосланием дождя и земным поклоном Зосимы перед смертью, или когда сопоставляет появление Алеши после смерти старца и выхода из монастыря в новом цивильном костюме – но оставаясь при этом схимником, как говорит Хохлакова, – и переходом к Елисею милоти пророка Илии после вознесения того на Небо. Порой автор будто забывает о том, что Алеша в его трактовке сравнивается с Елисеем, – и видит в «вихре», в котором несутся мысли в уме Алеши в келье перед гробом старца и его последующим видением «большой дороги, прямой светлой, хрустальной и солнце в конце ее» – с вознесением Илии «в вихре» на Небо). При этом М. Ховани не упоминает о всеобъемлющей «огненной», «вихревой» атмосфере всех великих романов Достоевского, по знаменитому определению Бердяева.

Зосима господствует над временем: вспоминая в настоящем о прошлом, он тем самым формулирует для своих слушателей программу на будущее. Так Зосима, как и библейские пророки, становится проводником Божьей воли. Жизнь персонажей вписывается в библейский контекст, и в этот же контекст вписывается и сам роман. Таким образом, Достоевский объединяет повествовательный дискурс и посредническую (между Богом и человеком) миссию, выходя за привычные рамки романа и создавая по существу новый жанр.

Но и тут М. Ховани, на наш взгляд, порой излишне увлекается, усматривая, например, связь между возрастом Михаила – «около пятидесяти» – и 50-м покаянным псалмом царя Давида, и затем между ситуациями Михаила и ветхозаветного царя, роли Зосимы и пророка Нафана в изобличении их грехов. Натяжкой кажется и сопоставление езды Мити на телеге в его «хорошем сне» и вознесения пророка Илии на огненной колеснице на Небо, при этом, вспоминая иконописные изображения пророка Илии, он усматривает в вознице, везущем Митю («русая, длинная такая у него борода, и не то чтобы старик, так лет будет пятидесяти») и самого пророка Илию.

Образ Зосимы является результатом осмысления Достоевским библейской пророческой традиции, он воплощает образ того ветхозаветного пророка, которого жаждала Святая Русь после принятия Христа. Того, в котором нуждались *Карамазовы* для обретения подлинного духовного братства. При этом, подчеркивает М. Ховани, «Братья Карамазовы» не являются богословским сочинением, это литературное произведение, осмысление проблем современности. Здесь проявляется присутствие Царства Божия в судьбах, жизни, мыслях и прозрениях персонажей. И здесь велика еще роль Иова (чья история так любима Зосимой), апологета страдания и в то же время первого из великих мыслителей, рефлектировавших над проблемами теодицеи. Достоевский показывает нам, что библейское мышление и библейские ценности являются и ценностями современного человека, вне собственно религиозной сферы, тем самым открывая возможности для последующих интерпретаций библейской традиции в его творчестве. Без сомнения, книга М. Ховани займет свое место в этой сфере достоевистики.

Карен Степанян